ОБЩЕСТВО.СИБИРЬ

"Это мог бы быть я". 20-летний эмигрант собирает имена погибших земляков

23 ноября 2026

Данияр Темиров

20-летний Данияр Темиров уехал из России, опасаясь политического преследования и призыва в армию. Но и в эмиграции война не отпускает его: Данияр собирает сведения о погибших на фронте земляках – татарах, башкирах и казахах Курганской области, откуда родом его семья. В составленном им списке уже 197 имен, среди которых его дальний родственник и знакомые семьи. Почему представители этих небольших национальных сообществ оказываются на войне, как их гибель сказывается на жизни зауральских сел и как меняется отношение к войне среди оставшихся? Об этом, а также о собственном отъезде и жизни за границей Темиров рассказал "Сибирь. Реалиям".

"Я просто сказал: убивать плохо"

Сейчас он живет в Армении со своим молодым человеком и перебивается случайными заработками.

А родился Данияр в Екатеринбурге. Его отец – татарин, мать – русская. Каждый год до войны семья на несколько недель уезжала в Курганскую область, где живут родственники отца – ичкинские татары. С подросткового возраста Данияр интересовался историей этого народа и не случайно выбрал своей специальностью этнологию. Он мечтал стать исследователем, писать о местном говоре, семейных традициях и людях, о которых, по его словам, почти никто не рассказывает.

– Чем ичкинские татары отличаются от других татар?

– У нас есть свой говор. Одно из самых заметных отличий – так называемое цоканье. Казанский татарин скажет "чай", а ичкинский – "цай". На говор повлияли и сибирские татары, и башкирский язык. Есть свои писатели, своя история.

– Вы сами говорите на этом языке?

– *В* моей семье язык почти утрачен. Бабушка передала мне какие-то слова, особенности речи, но и она во многом уже забыла свой говор. Отец знает по-татарски лишь несколько слов. Зато мы ездили на семейные собрания – аяты. Родственники могут жить в Екатеринбурге, Кургане, Тюмени, но приезжают в одно место, чтобы побыть вместе. Это важная часть жизни семьи.

О начале полномасштабного вторжения России в Украину Данияр узнал в школе 24 февраля 2022 года. Новость сообщил одноклассник.

– Я подумал, что погибнет очень много людей. Мне было невероятно грустно, хотелось плакать. Дома близкие относились к войне негативно, отец придерживается оппозиционных взглядов. Но реакция других меня поразила. Я не мог понять, как можно поддерживать происходящее.

На уроке русского языка, когда мы готовились к экзаменам, учительница стала говорить, что Россия в Украине делает все правильно. Я просто сказал: "Убивать плохо". Она разозлилась, стала кричать про "бандеровцев" и Донбасс. Но потом это не отразилось на оценках. Я и сейчас считаю, что в остальном она была хорошим человеком, просто поддерживала войну.

Еще до российского вторжения в Украину Данияр интересовался левыми политическими движениями, участвовал в демонстрациях и пикетах в Екатеринбурге. По его словам, в ноябре 2022 года к нему домой впервые пришли силовики: их заинтересовала подписка подростка на канал одной из анархистских организаций. У него изъяли листовки. Второй раз силовики заинтересовались им 2023 году, после перевода 200 рублей, которые, как говорит Данияр, он отправил на помощь армянам, пострадавшим от конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

– Сначала они приехали к маме. Отец написал мне, чтобы я никому не открывал дверь, пока он не вернется. Я жил то у мамы, то у отца. Успел удалить часть переписок с телефона, даже сходить в душ – потому что боялся, что меня сразу увезут в СИЗО.

В квартире отца провели обыск, забрали телефон. Потом нас вместе вызвали в ФСБ на беседу – не знаю, считалось ли это официально допросом или опросом. говорили, что получатель моего перевода собирал деньги в том числе и для украинских военных. Показывали распечатанные черно-белые мемы из моего телефона, задавали вопросы. Я был в таком шоке, что даже не сразу мог вспомнить, кому переводил деньги. Со мной разговаривали грубо, спрашивали, почему я мямлю и не отвечаю. В конце выдали какое-то официальное предупреждение, телефон впоследствии вернули. Уголовное дело не завели.

– *Что изменилось для вас после этих визитов?*

– Я постоянно боялся. В России шарахался от стука в дверь, от звонка, от письма на "Госуслугах". Казалось, что в какой-то момент мной заинтересуются уже всерьез. Еще в школе один из сотрудников администрации называл меня украинским агентом, говорил, что меня ждет тюрьма. Но родители меня поддерживали, особенно отец.

"Я боялся, что меня отчислят и придет повестка"

После школы Данияр поступил в УрФУ на этнолога. Говорит, что учеба ему давалась непросто, появились академические задолженности.

– Одновременно усиливался страх из-за новостей об уголовных делах против активистов, в том числе людей из близкой мне среды. Я мог попытаться сдать долги, но не был уверен, что успею. Видел, как отчисляли других студентов, которые пытались все исправить. Боялся, что меня отчислят, отсрочка исчезнет, придет повестка и выехать из России будет уже трудно. Даже сама перспектива службы была неприятна, а мысль о том, что могу оказаться на фронте, пугала. И я понимал, что мной снова могут заинтересоваться из-за моей прежней активности.

К тому времени Данияр уже жил со своим молодым человеком. О том, что они пара, знали немногие: обычно их воспринимали их как друзей, вместе снимавших квартиру. Решение уехать они принимали вдвоем, но инициатором, по словам Данияра, был партнер.

– Я сначала спорил, не хотел уезжать. Он говорил о несвободе и о риске, что за любую политическую деятельность могут посадить. Постепенно я согласился. Не

было одной последней капли: накопилось сразу несколько причин. Мы купили билеты почти в последний момент. Родители знали, что я подумываю об эмиграции, даже отговаривали меня. Но о том, что мы действительно уезжаем, я им не сказал. Не хотел прощаться, будто вижу их в последний раз. Рассказал уже после пересечения границы. Мы примерно неделю провели в Петропавловске, затем через Астану добрались до Еревана. На границе я очень боялся, что меня не выпустят, но серьезных расспросов не было.

"Если не я, то кто этим займется?"

В 2023 году Данияр зашел в официальную группу Целинного района Курганской области во "ВКонтакте". Среди опубликованных некрологов российских военнослужащих он заметил необычно много татарских и башкирских имен и фамилий. По его наблюдениям, их доля среди погибших заметно превышала долю этих народов в населении района. Первое впечатление было интуитивным: никаких подсчетов он тогда не вел. Но от родственников Данияр все чаще слышал о погибших в традиционно татарских селах Зауралья, а позднее начал собирать сведения о погибших татарах, башкирах и казахах уже по всей Курганской области. Так появился поименный реестр.

– Я подумал: для небольшой группы, численность которой и так сокращается, это огромная беда. И почти никто об этом не пишет. Даже если я допущу ошибки и напишу косноязычно, возможно, появится повод для дальнейшего разговора. Если не я, то кто этим займется?

Открытие мемориальной доски Артёму Низамутдинову в школе села Целинное, Курганская область

Темиров составил поименный список 197 погибших на войне жителей Курганской области, которых он отнес к татарам, башкирам и казахам. Среди них 55 казахов и 142 татарина и башкира. По данным "Медиазоны", на начало ноября 2026 года всего были известны имена 2699 погибших жителей региона. Таким образом, на представителей трех национальных групп приходится около 7,3% задокументированных потерь, хотя, согласно переписи 2021 года, они составляли лишь 3,6% населения области. В Целинном районе, с которого начался интерес Данияра к этой теме, по его подсчетам, на эти группы приходится 17,85% погибших при доле в населении 9,49%.

Исследование Темирова основано на открытых источниках: некрологах, публикациях местных сообществ, страницах погибших в соцсетях и базе "Медиазоны". В шести случаях он обнаружил имена, отсутствующие в этой базе. Все шесть имен он нашел на плакате "Герои земли Альменевской", посвященном погибшим из Альменевского района. При этом абсолютнодостоверно установить национальность многих погибших ему не удалось. Примерно в 25–30% случаев он нашел дополнительные признаки этнической принадлежности, в остальных ориентировался прежде всего на имена, фамилии и места проживания. Данияр признает: считать подтвержденной статистикой смертности по национальностям эти цифры нельзя, но игнорировать их тоже невозможно.

Переносный стенд погибшие на войне в ЦСОН Альменево №7

– По вашему подсчету, представители этих трех групп занимают среди погибших большую долю, чем среди населения региона. Как вы объясняете это расхождение?

– Нельзя выделить одну причину. Скорее, можно говорить о разных жизненных траекториях. Многие живут в сельских районах, где зарплата составляет около 30–35 тысяч рублей, а выбора работы почти нет. Контракт кажется возможностью помочь семье, выбраться из бедности, рассчитаться с долгами. Есть и влияние пропаганды: человек может одновременно думать о заработке и считать, что идет делать нужное для родины дело. Но я не беседовал с семьями большинства погибших и не могу точно сказать, почему каждый из них отправился на войну. Из некрологов такого обычно не узнаешь.

– Какие истории вам особенно запомнились?

– Много очень молодых. Например, Рустам Хаметов воспитывался в детском доме, учился на автослесаря, в 19 лет отправился на войну и примерно через месяц погиб. Когда читаешь такие истории, думаешь: это ведь практически мой ровесник. Если бы мои предки не уехали из Зауралья, возможно, это мог бы быть я.

У меня там остаются родственники, которым сейчас по 16–17 лет. Я боюсь, что они тоже могут увидеть в контракте легкий способ заработать.

погибший в Украине Рустам Хаметов

Среди погибших, чьи биографии изучил Темиров, были и кадровые военные, и прошедшие Чечню или Сирию, и мобилизованные, и заключенные. Два имени он нашел в некрологах уроженцев деревни Красная Звезда Куртамышского района, где по переписи 2010 года жили 68 человек. Один из погибших – Серикжан Куржаев – до войны работал на лесозаготовках. Другой, Жаксвай Кусаинов, участвовал в Чеченской войне, затем трудился вахтовым методом на Сахалине. Контракт он подписал в августе 2025 года, а погиб спустя немногим больше месяца.

– Среди погибших есть люди, которых вы знали лично?

– Есть дальний родственник и несколько знакомых семьи. Мы не были близки, но я видел их на семейных мероприятиях. Когда просматриваешь источники и вдруг узнаешь лицо, это очень тяжело. Я не решился обращаться к семье погибшего родственника: казалось неуместным расспрашивать их об этом.

Иногда мне о человеке известно буквально одно предложение. Про одного родственники говорили: "Уходил какой-то радостный, думал, героем станет". И больше ничего. Что было на самом деле у него в голове – я не знаю.

"Лучше не ссориться, лучше промолчать"

О переменах в настроениях в Зауралье Данияр судит прежде всего по разговорам со своими родственниками и знакомыми. Не претендуя на то, чтобы говорить от имени всех татар, башкир и казахов области. По его словам, в начале войны в его сельском окружении было немало сторонников вторжения. Спорить с ними чаще пытались родственники, переехавшие в большие города и приезжавшие в деревни на праздники.

– Из-за войны люди в вашей семье ссорились?

– Да, были серьезные ссоры. Люди могли месяц не общаться. Но семейные связи у нас очень сильные: даже очень дальние родственники помогают друг другу. Постепенно после ссор наступало какое-то примирение, пусть и без согласия по поводу войны. Даже те, кто поддерживает войну и знает о моих взглядах, передают мне приветы. Я не встречал среди своих знакомых случаев, чтобы из-за антивоенной позиции человека полностью отвергла семья.

По словам Данияра, споры вспыхивали даже на аятах – семейных поминальных встречах. В одной из знакомых ему семей одни родственники открыто выступали против войны, другие ее поддерживали, а большинство предпочитало молчать.

В 2023 году, вспоминает Темиров, на семейном праздновании Нового года одна из родственниц попросила не включать перед полуночью обращение Владимира Путина. До этого его смотрели каждый год. Началась короткая перепалка, однако остальные, включая сторонников войны, согласились: решили не продолжать ссору. В следующие годы новогоднее обращение уже не включали.

Прощание с погибшим в Украине Серикжаном Куржаевым

– Что, по-вашему, объясняет эту уступку? Родственники пересмотрели свои взгляды?

– Не обязательно. Скорее, большинство решило: лучше не ссориться, не обижать ее. "Ну, можем и без Путина", – примерно к этому пришли. Атмосфера не стала сразу теплой, еще какое-то время было больше молчания. Но в семье важнее сохранить отношения, даже когда позиции не совпадают.

Еще один источник наблюдений Данияра – большой семейный чат, в котором состоят более пятидесяти человек. В 2022–2023 годах туда, по его воспоминаниям, регулярно присылали провоенные ролики. Теперь таких сообщений почти не видно; в поздравлениях все чаще звучит пожелание "мирного неба над головой".

– Но это еще не означает, что ваши родственники стали противниками войны?

– Я не стал бы так говорить. Кто-то боится ударов беспилотников, кто-то устал, кто-то действительно хочет прекращения боевых действий. Иногда у человека нет четко сформированной позиции, иногда он просто не хочет спорить. Мне кажется, мы слишком легко делим людей на два лагеря, хотя в жизни отношение к войне может быть противоречивым. И желание, чтобы тебя оставили в покое, не обязательно превращается в публичный протест. Есть, например, один пожилой башкир, знакомый нашей семьи. Раньше он активно поддерживал войну, постоянно смотрел новости по телевизору, обсуждал политику. Но после отступления российских войск из Киевской и Херсонской областей постепенно

перестал интересоваться политикой, смотреть новости и говорить о войне. Теперь больше занимается домашним хозяйством.

– Разговоры о войне почти не выходят за пределы дома?

– Да, большинство людей не воспринимают себя политическими активистами. У них семья, работа, болезни, повседневные дела. Они могут обсуждать войну за столом, за чаем, но не видят смысла выходить с этим публично. Страх последствий тоже, думаю, играет роль. Я бы не называл этих людей безмолвными. Просто их размышления о войне остаются внутри семьи, без публичных заявлений. И я понимаю, что знаю только часть происходящего: до меня доходит не все.

У семейной солидарности, по наблюдениям Данияра Темирова, есть и другое проявление: жители района помогают отправлять продукты и вещи на фронт. Сборы часто организуют муниципальные власти, школы, общественные организации, но участвуют в них и местные жители. Данияр предполагает, что для некоторых это прежде всего способ помочь родственнику или соседу, который воюет. Он подчеркивает: это гипотеза, а не установленный мотив участников сборов.

Но прочные родственные связи не всегда помогают сохранить то, что передавалось из поколения в поколение. Молодежь уезжает из зауральских сел, все меньше людей говорят на языке предков, а вместе со старшим поколением уходят воспоминания о прошлом, которые зачастую никто не успел записать. С этим Данияр столкнулся и в собственной семье: его бабушка еще помнила отдельные слова и особенности ичкинского говора, но сам он вырос уже в русскоязычной среде.

– Война наложилась на процессы, которые начались задолго до нее: отъезд молодежи, старение сел, переход на русский язык, – говорит Даниял. – Я боюсь, что, когда мы захотим что-то сохранить, окажется, что уже некого расспрашивать.

"Кто будет помнить, как говорили наши предки?"

О том, как исчезает семейная память, Темиров рассказывает на примере пожилой татарки Раиси из Целинного района. Ее называли "женщиной-муллой". В 2020 году она рассказала Данияру о его предке, репрессированном в 1937-м. Через год Раиси не стало. Вместе с ней, считает он, исчезли сведения о многих семьях, которые никто не успел записать.

– Но в регионе есть культурные центры и национальные праздники. Этого недостаточно?

– Хорошо, что есть Сабантуй, национальные костюмы, танцы, кухня. Я не против них. Но культуру нельзя сводить только к фестивалю. Есть устная традиция, письменность, историческая память, местный говор. В некоторых школах татарский и башкирский преподают факультативно, иногда всего один урок в неделю. При этом число людей, которые пользуются этими языками в повседневной жизни, сокращается.

Звериноголовский район Курганской области, праздник Навруз

– Почему вы стали заниматься этим серьезнее именно после начала войны?

– Я почувствовал, что времени может просто не остаться. И еще почувствовал вину: пока жил в России, мало изучал язык, мало записывал семейные истории. Узнал, например, об одном сборнике стихов ичкинско-татарского автора, который, насколько мне известно, есть только в печатном виде в местной библиотеке. А я теперь далеко и не могу просто туда прийти.

Из Армении мне стало легче говорить о проблемах своих земляков. Работа над исследованием в каком-то смысле заменяет мне то, чего я не успел сделать дома. Если я могу собрать имена, написать, обратить на них внимание, значит, не совсем оторвался от своих людей.

"Моя страна – скорее малая родина"

В Армении Данияр поселился в недорогом хостеле, который, по его словам, больше похож на дом семьи, сдающей жилье российским и украинским приезжим. Он берется за любую за временную работу, в том числе в сфере доставки. Иногда помогает собирать фрукты и овощи для продажи на рынке. Говорит, что и в Екатеринбурге работал курьером и грузчиком, поэтому не воспринимает физический труд как нечто неприемлемое для себя. Труднее, признается, жить вдали от семьи и мест, куда он приезжал с детства. Найти в Ереване круг земляков ему пока не удалось: о местном Сабантуе он узнал уже после праздника.

– Вы уехали вместе с молодым человеком. Стало ли вам свободнее?

– Безусловно. В России мы снимали квартиру вместе, но почти все думали, что мы просто друзья. Я говорил о своей ориентации лишь нескольким близким людям и маме. Они отнеслись нормально, но я не хотел рисковать отношениями с остальными и опасался последствий.

Сейчас мне проще. В Армении я могу хотя бы осторожно проявлять нежность к своему молодому человеку на улице и не думать каждую минуту о том, что за это могут привлечь. Мы стали меньше нервничать. Я наконец могу вслух говорить то, что думаю, и заниматься темой своего народа.

Ереван

– Вы понимаете, что некоторые родственники могут узнать о вашей сексуальной ориентации именно из этого интервью?

– Да. Возможно, кто-то отвернется. Но мне важно, чтобы моя история была рассказана такой, какая она есть. Я думаю, что квирные люди есть и среди татарской молодежи, и в зауральских селах, просто об этом молчат. Геи-татары существовали всегда.

Даже если какие-то родственники не примут меня, я все равно буду говорить об их проблемах. Было бы лицемерием считать: тех, кто меня принимает, я должен любить и защищать, а тех, кто не принимает, можно оставить погибать на войне. Для меня принадлежность к своему народу не зависит от этого.

– Как вы теперь представляете свое будущее? Хотите вернуться в Россию?

– Очень хочу увидеть родные места. Но представляю это только после окончания войны, перемены политической ситуации. Сейчас будущее туманно. Хочу продолжить гуманитарное образование, изучать культуру и историю татар, возможно, завести блог. В Армении для этого пока не хватает денег и знания языка. И я не уверен, что Армения будет конечной точкой моего маршрута.

– Что война изменила в вашем представлении о родине?

– Она отняла ощущение покоя и безмятежности детства. Я стал осторожнее, понял, что должен сам отвечать за свою безопасность. И сильнее почувствовал привязанность к родному краю.

Мне кажется, моя страна – это теперь скорее не Российская Федерация, а моя малая родина. Мои люди, язык, места, куда я приезжал с детства. Я по-прежнему говорю всем: я татарин, зауральский татарин. И хочу, чтобы истории этих людей не исчезли вместе с ними.

Регионы | Общество.Сибирь